

**Ewa Pańkowska**

Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej  
Uniwersytet w Białymstoku

## ПРОБЛЕМАТИКА ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РОМАНА СЕНЧИНА (КРАТКИЙ ОБЗОР КРИТИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ СТАТЕЙ)

**Key words:** Roman Senchin, Senchin's characters, Senchin's "little people", "new realism", death motif

Роман Сенчин – писатель и литературный критик, лидер так называемого русского «неореализма» «нулевых»<sup>1</sup>. Автор известен своими романами *Ёлтышевы* (2009), *Информация* (2011), *Зона затопления* (2015). Сенчин предстаёт перед читателем как крайне мрачный, угрюмый реалист-пессимист, реалист-скептик, «беспощадный реалист», или, как замечает литературный критик Михаил Бойко, даже как представитель «русского депрессионизма», в произведениях которого преобладают пессимизм, «чернота», «плесень», депрессивное мировосприятие: «Проза Сенчина (...) похожа на загрунтованный холст, на котором сделали четкий рисунок, но забыли нанести краски. (...) Вневременную, непреходящую ценность прозе Сенчина сообщает именно ее депрессивность. Благодаря этой своей черте

<sup>1</sup> В рассказе Сенчина *Новый реализм* (2007) читаем: «Это словосочетание – «новый реализм» – он (герой – писатель Роман Валерьевич – Е.Р.) услышал в конце двухтысячного года на какой-то литературной тусовке. (...) И в конце концов термин прижился, стал предметом критических дискуссий; даже разновидности появились: «матовый новый реализм», «глянцевый», «преображающий», «отражающий»... Но в этих тонкостях Роман Валерьевич мало разбирался, ему было достаточно своего, первоначального, и статуса основателя нового литературного течения. (...) это не какая-то группа писателей. У нас нет правил, четкой программы. Но нельзя не согласиться, что на стыке девяностых и нулевых годов, то есть на стыке столетий, даже тысячелетий, в литературу пришло новое поколение писателей со своим языком, своим миропониманием. Это вообще оказалось первое по-настоящему свободное поколение. Его почти не затронул советский тоталитаризм, оно не знало идеологических рамок. И это поколение, бесспорно, оживило русскую литературу» [Сенчин 2011, 145, 146-147].

она органично вписывается в русскую литературную традицию» [Бойко 2008, online]. Сам писатель констатирует: «Я не считаю свои тексты чрезмерно пессимистичными. Но темы, конечно, в основном мрачные. Но вообще литература изучает тёмные стороны жизни, а не светлые...» [Харитонов, online]. Роман Валерьевич (вышеупомянутый герой рассказа *Новый реализм*, он же одновременно и сам прозаик) объясняет: «Я не могу согласиться с тем, что в моих произведениях все так уж мрачно. (...) в своих произведениях я обращаю внимание на то, что литература обычно обходит стороной. Разные житейские проблемы, неурядицы, нехватку денег, часто перманентную. И – нереализованность идей, мечтаний. (...) Наша жизнь вообще, если задуматься, состоит из череды мелких неприятностей. Крупные я стараюсь не трогать. (...) но большинство людей эти неприятности стараются не замечать, забыть, я же обращаю на них внимание. По крайней мере, в литературе. И своего героя я стараюсь показать многогранно. У меня нет законченных злодеев или каких-то абсолютно положительных. У человека ведь в делах или в мыслях есть много всякого. И нелицеприятного... И я это не утаиваю. Может быть, из-за этого и возникает ощущение мрачности. (...) проза новых реалистов не мрачная, не чернушная, а предельно объективная. Мы показываем реальность во всем ее многообразии» [Сенчин 2011, 144, 147-148].

Следует здесь добавить, что в произведениях Сенчина (по мнению некоторых, «мастера автопсихологической прозы» [Беляков 2011, online]) часто наблюдается критическое сближение автора и героя, поэтому в сенчинских текстах можно обнаружить элементы самоанализа и своего рода исповеди [Василевич 2010, 75]. Таким образом, «Сенчин-писатель подчеркнуто перевоплощается в Сенчина-героя своих сочинений, удостоверяя собственным именем, отчеством и фамилией подлинность, достоверность сообщаемого» [Теракопьян 2005, online]. Сам писатель по этому поводу замечает: «Когда я пишу от первого лица, я не могу называть своего героя Лёша или Коля. Поэтому даю ему собственные имя и фамилию. Тем более что в таких текстах довольно высокий уровень автобиографичности» [Ляшова 2011, online]. Прозаик уточняет: «Я, признаться, вообще не представляю, как можно создавать героев. Да и вряд ли такие, созданные лишь воображением писателя герои в литературе имеются. (...) Зачем придумывать, когда сама жизнь дает нам столько материала, столько потенциальных персонажей, что просто диву даешься» [Секисов 2015, online].

Сенчина упрекают в сгущённой натуралистичности<sup>2</sup>, в изображении «заедающего быта», низкой однообразной повседневности, неизменно

<sup>2</sup> Писателя называют современным русским Эмилем Золя – см. [Ермолин 2014, online]. Как констатирует литературный критик Сергей Беляков: «Кто из современников сравнится с автором „Елтышевых“ в дотошности описаний, в точности деталей, в достоверности картин быта и нравов? Здесь он абсолютный чемпион. Россию девяностых и нулевых будут изучать

угнетающей человека, которому, в принципе, в связи с этим радоваться уже нечему. Автор *Зоны затопления* соглашается, что в его текстах действительно «мало просветов» и сразу объясняет, что на его творчество сильно повлияли и наложили отпечаток переломные моменты в жизни его родины, и это были 90-е годы XX века, когда, по словам прозаика «Россия лежала в руинах»<sup>3</sup> [*Россия – очень литературная страна*], online]. Писатель ещё добавляет: «Я буду рад, если прочитаю произведение, где художественно убедительно доказывается, что все будет хорошо. К сожалению, таких текстов мне в руки не попадает. И вообще литература занимается, как правило, не жизнеутверждающими темами, а наоборот. (...) Если я увижу в реальности свет, то постараюсь зафиксировать его в своих текстах» [Ляшова 2011, online].

Часто подчёркивается, что Сенчин является исключительно бытописателем, но одновременно исследователями акцентируется присутствие в его текстах философского контекста, в частности, экзистенциального. По словам литературного критика и журналиста Евгения Ермолина в произведениях Сенчина «преломилось экзистенциальное потрясение, первооснова которого – предопределенность существования, заданная принудительность проживания жизни» [Василевич 2010, 74].

Цель настоящей статьи – выявить основные мотивы избранных произведений автора *Ёлтышевых*, представить художественную концепцию героя по Сенчину, то есть показать отличительные черты сенчинского «маленького человека». В связи с этой проблемой возникают важные вопросы. Во-первых, каковы они, сенчинские «современные Башмачкины»<sup>4</sup>, вызывают ли они сострадание, жалость или презрение? Во-вторых, являются ли они, ссылаясь на литературную традицию, невинными жертвами социально-экономического устройства общества, или они не могут приспособиться к обстановке, к новым реалиям, потому что они просто такими родились, то есть безвольными и пассивными, совершенно не способными чего-то добиться, с размытой волей, с низким уровнем интеллекта, и, самое главное, следует их за это осуждать? Материалом для исследования

---

по рассказам и повестям Сенчина, как мы изучаем Францию XIX века по романам Оноре де Бальзака и Эмиля Золя» [Беляков 2011, online].

<sup>3</sup> Может быть, и поэтому Сенчина иногда называют «летописцем эпохи всеобщего разочарования» [Беляков 2011, online].

<sup>4</sup> Мы условно называем сенчинских «маленьких людей» «Башмачкиными», учитывая, что образ «маленького человека» прошёл полный цикл развития в русской литературе, эволюционировал: это не только жертва жестокого общества, бедный и бесправный человек, но и неталантливый человек, а даже иногда таящий в своей душе потенциал зла. Одновременно намечается некая параллель именно между гоголевским титулярным советником и сенчинским офисным работником (мы подчёркиваем этот факт в дальнейшей части статьи).

в нашей работе послужили сборники рассказов и повестей: *Ничего страшного*<sup>5</sup> (2007), *Московские тени* (2009)<sup>6</sup>, *На чёрной лестнице* (2009)<sup>7</sup>.

Одним из ключевых мотивов, отразившихся в ряде произведений Сенчина, по нашему мнению, является мотив смерти, прежде всего, смерти духовной, но не только, также смерти в буквальном смысле<sup>8</sup>. В повести *Ждём до восьми* (2013), например, описан последний день разорившегося питерского бизнесмена Евгения Николаевича Колосова, среднего русского предпринимателя, чья судьба и бизнес неразделимы, так как за денежные долги приходится заплатить собственной жизнью: «Огромный долг, непомерно огромный... Теперь – тупик. (...) Когда-то была в ходу поговорка, которую Колосов с усмешкой часто повторял: долги не совместимые с жизнью. По поводу многих должников так он говорил и не испытывал жалости к тем, кого действительно лишали жизни. А теперь наступила и его очередь...» [Сенчин 2013, online]. В произведении представлен процесс прощания с жизнью, процесс сознательного приближения к смерти [Плеханова 2014, 118]: «Последнее важное дело – выйти из квартиры не позже восьми. (...) Последние одиннадцать с половиной часов» [Сенчин 2013, online].

В самом ярком романе Сенчина, в «семейном эпосе» *Ёлтышевы*, в свою очередь, на фоне вымирающей современной российской деревни подробно изображён процесс постепенной деградации (физической и нравственной деградации единицы) и вымирания, окончательного прекращения рода. Писатель показывает «вездесущую смерть», которая окружает членов семьи Ёлтышевых и поглощает их повседневный жизненный мир ещё задолго до их физической смерти. Ёлтышевы в итоге становятся как будто «живыми мертвецами» [Pańkowska 2015, 109-112, 120-128].

Можно констатировать, что Сенчин описывает жизнь «маленьких людей», но на фоне больших и существенных перемен – политических, экономических, общественных, на фоне социальных потрясений и аксиологических трансформаций на рубеже XX и XXI веков. Сенчинские герои

<sup>5</sup> *Один плюс один, Ничего страшного, Малая жизнь.*

<sup>6</sup> Это своего рода «роман-хроника» («роман в рассказах»), который состоит из семи новелл, написанных в разные годы – временной охват событий романа – 10 лет: от марта 1997 года до ноября 2007 года. Произведение начинается описанием похорон, завершается картиной празднования дня рождения. Значит, веки человеческой жизни показаны Сенчиным в обратной хронологии [Селеменова 2015, 132]. Это «хроника жизни» москвичей, чьи судьбы странным образом переплетаются. В состав сборника входят: *Говорят, что нас там примут, Погружение, Афинские ночи, День рождения, Персен, Конец сезона, Сорочет.*

<sup>7</sup> *Репетиции, Ложка сахара, Эфир, Приближаются сумерки, Новый реализм, За сюжетами, Тоже история, Инакомыслие, «Жить, жить...», На чёрной лестнице, Пусть этот вечер не останется, Суббота.*

<sup>8</sup> В избранных нами текстах автором рассматриваются также: вопрос государственной власти и свободы единицы, смысл протеста против социальной несправедливости, противопоставление – «искусственный» город и «естественная» деревня: среда «простых» людей, жителей деревни и «артистов», столкновение их мировоззрений.

– это, как правило, провинциалы, которые приехали в столицу в поисках лучшей жизни, и либо уже «побеждёнными», проигравшими «битву со столичной обстановкой» обратно вернулись в провинцию, либо остались в столице, но в ритм столичной жизни вписаться им так и не удалось [Орлова, online]. Встречаются в произведениях Сенчина продавцы, торговые представители, успешные, но только на первый взгляд, офисные работники, консультанты модных бутиков. Это часто несостоявшиеся, или бывшие художники, писатели, учёные, актёры и актрисы, только мечтающие о возвышенном, а работающие на рынках, в магазинах. Значит, они заняты не тем, к чему готовились с юности, а тем, что диктуют им законы рынка [Теракопян 2005, online]. Это, в принципе, обыкновенные, заурядные, не слишком умные и не совсем глупые, просто «нормальные» люди<sup>9</sup>, погружённые в повседневное течение жизни [Беляков 2009, online]. Следует одновременно подчеркнуть, что в большинстве случаев это неудачники, или, может быть, просто «невезунчики», с их нереализованной жизнью (в семейном и профессиональном плане), нереализованным потенциалом, с ощущением «саморастраты», причём они часто пытаются найти оправдание такому повороту событий во внешних обстоятельствах<sup>10</sup>, например, в самой природе столичной жизни, то есть в давлении мегаполиса, враждебного и опасного в восприятии провинциала. Вообще говоря, сенчинским «невезунчикам» присуще чувство обиды – на систему, на власть, на весь мир просто [Теракопян 2005, online]. Кажется, что в итоге все они «находятся в ситуации творческого и личностного выгорания» [Селеменова 2015, 136]. По мнению М. Бойко: «Чтобы примириться с действительностью и заглушить внутренний протест, герой Сенчина целенаправленно культивирует в себе депрессию. Он использует любую возможность, чтобы подточить себя изнутри, усилить терзания, заведомо лишит себя шансов на улучшение своего положения. Он тщательно перебирает в памяти былые обиды, неудачи и унижения, отравляет себе последние радости и спешит капитулировать перед деморализующим бытом» [Бойко 2008, online]. Подытоживая, можно сказать, что Сенчин указывает на постепенное эмоциональное и моральное сгорание человека. Например, герой-повествователь повести *Говорят, что нас там примут* (1997) отправляется на похороны своей бывшей учительницы только потому, что надеется на даровую вышивку, и он цинично, спокойно в этом сознаётся [Цветова, online]. Герой вспоминает: «Помню, в юности у меня было несколько принципов, которые я терял один за другим. Жизнь заставляла меня их

<sup>9</sup> Сенчин иногда называет себя певцом «среднего» и объясняет: «Я бы тоже хотел писать не про среднее и средних людей, но не получается. У каждого свое предназначение. Тем более в обыкновенных, неприметных людях зачастую скрывается много того, что стоило бы показать в литературе» [Прудников, online].

<sup>10</sup> Кроме того, их часто «разъедает» неудовлетворённость от того, что судьба их сверстников сложилась намного лучше, причём, по их мнению, незаслуженно лучше [Бойко 2008, online].

терять. Сначала я удивлялся, пытался сопротивляться, страдал, а потом плюнул, и все пошло как по маслу; я стал удивляться другому – почему был таким дураком, держался в каких-то рамках, имел свои принципы и ограждал свою душу от грязных лап окружающего мира, старался не замараться. Оказалось, что жить можно намного легче. Все, что считал я хорошим, на деле оказалось глупым и лишним, правда оказалась ложью, а черное белым. (...) Таким образом, я шагаю по лесенке все дальше и дальше и уже без ужаса и интереса встречаю новый день, отправляюсь с утра на безграничный, вонючий оптово-розничный рынок человеческого общения» [Сенчин 2013, 15, 17].

Жизнь для сенчинских героев со временем становится своеобразным капканом. Итак например, в рассказе *Погружение* (1998) описывается воскресный ноябрьский день в молодой московской семье – центральным событием дня является травля тараканов. Как правильно замечает литературовед и литературный критик Майя Кучерская: «Это не тараканы задыхаются от яда – это люди задыхаются от своей невыносимой жизни» [Кучерская 2001, online]. Можно предположить, что они страдают именно потому, что «больны этой жизнью».

Сенчинские герои – «обычные» граждане в ловушке «пресноватой» ежедневности: жалкие обитатели неудобных квартир, расположенных в домах-близнецах, люди, которые как-то в жизни определились<sup>11</sup>, ко многому привыкли, со многим смирились. Они каждый день бегут на какую-нибудь работу, чаще всего нелюбимую, с единственной целью, чтобы выжить, в чисто материальном плане<sup>12</sup>, конечно, они часто «мучаются, занимаясь совсем не тем ради хлеба» [Сенчин 2013, 191 (*Афинские ночи*)]. Они постепенно становятся совсем равнодушными ко всему, что не касается сферы их личного благополучия<sup>13</sup>, редуцированными в своих жизненных стремлениях, причём это равнодушие – часто для них единственный способ уберечь себя от давления обстоятельств, давления лицемерной, пропитанной культом денег действительности [Теракопян 2005, online]. Случается также, что сенчинские герои ищут любые занятия, любые развлечения только для того, чтобы бесследно уничтожить когда-то ценные секунды и минуты [Цветова, online]. Правильным кажется утверждение, что Сенчин на самом деле повествует о «драме жизни», но драме «без катастроф»,

<sup>11</sup> С упором на «как-то»: «я лично не жалуясь, у меня все более-менее, если не заглядывать в прошлое и не думать о будущем» [Сенчин 2013, 15 (*Говорят, что нас там примут*)].

<sup>12</sup> Сенчинским «маленьким людям» характерен страх перед завтрашним днём, страх магринализации, тревога от перспективы оказаться на социальном дне. Такое ощущение, наверное, в большой степени связано с тем, что они в любой момент могут потерять работу, в любой момент их могут лишить квартиры.

<sup>13</sup> Уместно здесь процитировать: «Люди идут своим маршрутом, боясь сбиться с него. Люди знают, что вокруг обман и холод, вокруг капканы, ловушки, ямы. Ничего нет проще, чем оступиться, погибнуть. И довериться кому-то, соединиться, поверить – это конец. Держаться на плаву легче поодиночке» [Сенчин 2013, 90 (*Погружение*)].

то есть о «драме ветшания и исчезновения человека в мерном ходе естественной жизни». Писатель показывает «экзистенциальный ужас будней», заключающийся в их «безличности, принудительности и беспредельности» [Пустовая 2009, online], безысходной очевидности. Можно констатировать, что прозаик рассказывает истории людей, искалеченных отвратительным бытом, унылой действительностью [Мурашова 2001, online]. В связи с этим возникает вопрос: «день, когда человек рождается, является самым радостным, или, наоборот, самым грустным или даже самым трагичным?».

Сенчинские герои чаще всего люди непрактичные, ничем не примечательные, наделённые от природы скудным запасом жизненных сил, жизненной энергии. Именно поэтому им свойственны: синдром хронической, безмерной усталости, депрессия, социальная апатия и беспомощность, отсутствие радости, отсутствие цели, смысла, но прежде всего отсутствие жажды жизни и стремления её продолжить, даже тяга к самоубийству. Всё положительное как будто осталось в невозвратном прошлом, поэтому уныние для них – норма жизни, а безысходность – основа мироощущения [Цветова, online]. Со временем сенчинские «неудачники» становятся лишь «бесцветными тенями» (тенями полноценной личности) в мире богатых и успешных – в мире сильных «хищников», причём этот своеобразный процесс «зарастания ежедневностью и умирания при жизни» совсем незаметен: начинается он с равнодушия к себе, к своей судьбе, с внутренней опустошённости, а завершается полным автоматизмом существования<sup>14</sup> – на самом деле это уже существование исключительно по инерции [Селеменова 2015, 134-135]. Кажется, что у большинства сенчинских героев нет желания, чтобы «очнуться от полусна однообразности»<sup>15</sup>, им даже не хватает сил, чтобы жаловаться<sup>16</sup> – «очищения» не предполагается, так как сенчинские «маленькие люди» всматриваются в себя без надежды найти в душе что-то, кроме обречённости на бесцельное прозябание [Неверов 2001, online]. Иногда воспоминание о прошлом они воспринимают как

<sup>14</sup> «(...) вообще жизнь однообразная, с одинаковыми проблемами, делами, событиями, которые из-за их частой повторяемости уже не кажутся событиями. А разнообразить жизнь силёнок не хватает. Дни следуют за днями частой цепью, не успеваешь и моргнуть, раскататься, настроиться – уже вечер, хочется спать, а там новый день, такой же, как и вчерашний...» [Сенчин 2013, 72 (*Погружение*)].

<sup>15</sup> «Почти все люди – Игорь сделал открытие для себя – пребывают словно бы в дреме. Ходят на работу, закупают продукты, едят, разговаривают, даже ругаются, а сами дремлют. Время от времени, довольно редко, возникают ситуации, когда приходится очнуться, пошевелить мозгами, решить проблему, мешающую спокойно дремать. Решил, успокоился – и вернулся в узкое, удобное руслище сонного однообразия множества механических дел» [Сенчин 2007, 24-25 (*Один плюс один*)].

<sup>16</sup> «Сочувствие и сострадание, и тяжесть своих проблем бродили в Ирине горьким, едким настоем, нехорошо, ядовито хмельным, и так тянуло, рвалось из души смахнуть на пол чашку, упасть вслед за ней, зарыдать. И жаловаться, (...) выплескивая настоем, очищая мозг, грудь, всю себя, изъеденную, изуродованную ежедневно не такой, как надо, как должно быть, жизнью. Но вместо рыданий, жалоб, вместо очищения, Ирина глядела на клеенку, кивала, повторяя монотонно и бессмысленно: „Да-да... да-а...“» [Сенчин 2007, 235 (*Ничего страшного*)].

своего рода способ разрыва этого «автоматизма существования», но сравнение с прошлым всегда оказывается не в пользу настоящего, так как на фоне «радостных» воспоминаний о каких-то юношеских, даже незначительных успехах отчётливее возникает ощущение пустоты сегодняшнего дня, ощущение бессмысленности взрослой жизни<sup>17</sup> [Селеменова 2015, 135]. Иногда сенчинские герои «осмеливаются» и предпринимают даже попытки «бунта», попытки «протеста» против «ужаса повседневности и угнетающего быта», «протеста», выражающегося в форме кратковременного «бегства». Сенчинские «маленькие люди» хотя бы на мгновение стараются вырваться из «сети и плена» обычных, ежедневных и однообразных дел и задач, хотят отдохнуть от деловой текучки, куда-то уехать, как будто «забыться», то есть они на самом деле в иллюзии ищут «спасения». Но весь этот «бунт» обычно оборачивается лишь полным разочарованием. Герои повести *Афинские ночи* (2000), трое друзей, решают отправиться в близлежащий небольшой город, чтобы развлечься. Но всё с самого начала идёт не по плану. Они не находят ни кабаков, ни девушек, зато всплывают на поверхность подавленные эмоции: скрытая агрессия, озлобленность, раздражение, взаимное недовольство друг другом. Наконец друзья оказываются на станционной лавочке, в холоде, в атмосфере взаимной неприязни, а в финале произведения главный герой за все эти неудачи (вообще за свою неудачную жизнь) мстит жене, намеренно причиняет ей боль и врёт, подробно рассказывает о всех мечтах, которые так и не сбылись<sup>18</sup>. Самое ужасное то, что слёзы жены не вызывают в нём никакого сочувствия, лишь новое раздражение по поводу надвигающейся очередной супружеской ссоры [Кучерская 2001, online]: «И лицо ее становится морщинистым, перекошенным. В глазах мгновенно появились слезы. Сейчас покатятся по щекам капля за каплей. Сейчас начнется...» [Сенчин 2013, 206 (*Афинские ночи*)].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что в произведениях Сенчина простая житейская история (именно такая часто лежит в основе текстов писателя) в сущности оказывается повествованием о моральном поражении героя, о его «постепенном погружении на дно», причём чаще всего – это погружение без перспектив «всплытия». Уместно здесь

<sup>17</sup> «Было времечко. И сколько тогда успевали всего – и бухать чуть не каждый день, и на занятия в институт ходить, и задания выполнять, и для души красить, и на жизнь подзарабатывать... (...) Женился. И началась человеческая, нормальная жизнь. Что-то во мне погасло, что питало долго и бесперебойно, с самого детства до двадцати шести лет» [Сенчин 2013, 190-191 (*Афинские ночи*)].

<sup>18</sup> «Я не в командировке был... Просто решил отдохнуть. Денис с Борькой позвали. (...) Сняли в „Измайлове“ номер, у Борьки кокаин был... Вечером съездили на Садовое, проститутку купили. (...) В гостиницу привезли... (...) Портье шампанского принес, ананас, коньяк. (...) Потом (...) пошли в казино. (...) Потом в ресторане ужинали, стриптиз был. Вот весело люди живут!.. Да, вернулись, девочке велели стриптиз показывать. (...) Такая, в общем, ночь получилась, афинская...» [Сенчин 2013, 205-206 (*Афинские ночи*)].



уточнить, что автор *Ёлтышевых* не пытается идеализировать персонажей своей прозы, наоборот, в полном объёме, как будто намеренно показывает их нравственную ущербность, ошибки, их спорные, часто неправильные решения. Можно предполагать, что прозаик делает это с целью доказать на отрицательном примере что-то противное – «жить так нельзя» [Василевич 2010, 75], или с целью просто фиксировать реальность. Правильно замечает литературный критик Леонид Теракопьян, что «герои Сенчина непрерывно балансируют на зыбкой грани унижения, презрения к себе и бунта» [Теракопьян 2005, online]. Писательница и литературный критик Елена Мурашова, в свою очередь, позицию сенчинских персонажей обозначает как ситуацию «между бунтом и смирением», причём смирение здесь понимается как бытовое примирение с обстоятельствами, которые нельзя изменить. Жить, как живётся, сенчинским «маленьким людям» точно не хочется, а как хочется – они тоже в принципе не знают [Мурашова 2001, online]. Сергеев, консультант в магазине, герой повести *Конец сезона* (2007), констатирует, например: «То, (...) о чем неясно, в полуснах мечтал. Какую-то другую жизнь... Да нет, как бы и продолжение этой, но измененную – удивительно и непонятно как, чем измененную... (...) сама жизнь как каша стала. Такая разваренная вся (...). Ни крупинок, ничего – зубам не за что зацепиться. Однородность течет. И что? И куда это все?.. (...) И вот думаю, как бы так сделать... Чтоб крупинки какие-то. (...) Я даже плавать не умею. И на коньках не умею. (...) И машину водить не умею, и... Ты вот ругаешься, что свет в прихожей не горит, а я не разбираюсь в электричестве. Не умею... Вообще, если разобраться, ничего я не умею... (...) Полнейший тупик какой-то. Ищу, думаю, а ведь без толку. (...) Если бы жил так же, как раньше, до женитьбы, до однообразной работы? (...) И что бы он сделал, окажись свободным? Уехать куда-нибудь. Взять билет далеко-далеко (...). (...) Интересно ведь. И – несбыточно, несбыточно» [Сенчин 2013, 330, 338-339, 346-347 (*Конец сезона*)].

Семья для сенчинских героев также не является «спасательным кругом», наоборот, оказывается очередным тупиком, ловушкой, клеткой. В семейные отношения незаметно вползает серость, а страсть и любовь совсем угасают<sup>19</sup> – необходимо здесь добавить, что для страстной любви нужна сила, а сенчинские персонажи по своей натуре слабые люди [Мурашова 2001, online]. Писатель как будто подчёркивает неизбежность проникновения «логики будней в романтическое убежище любви» [Пустовая 2009, online], поэтому жёны вызывают в основном раздражение и неприязнь, а дети чаще всего воспринимаются как «тираны и кандалы»,

<sup>19</sup> Телеведущая Марина из рассказа *Эфир* приходит к выводу: «Вот три раза в неделю приезжает Борис, и у Марины в эти дни праздник, желанный и светлый. Но если бы они стали жить вместе, это был бы уже не праздник, а пресноватая ежедневность, постепенно растворяющая и отупляющая людей (...)» [Сенчин 2011, 96].

они просто препятствие для самореализации<sup>20</sup>: «вроде бы есть жены и дети, но на самом деле они нечто отдельное, почти враждебное» [Сенчин 2011, 261 (*Жить, жить...*)]. Как замечает герой повести *Говорят, что нас там примут*: «Женщины, оказалось, очень проблематичные и назойливые существа. (...) По крайней мере, после женитьбы захотелось попробовать каждую встречную. Все другие возбуждают меня куда сильнее жены. (...) Семейная жизнь научила меня врать. (...) Я вру по любому поводу, начиная с того, почему не вынес мусорное ведро, и кончая тем, почему пришел пьяный и сытый, а домой ничего не принес. Вру я, наверное, не из-за желания оправдаться, позаботиться, чтобы жена нервничала поменьше, а чтоб показать: вот какой я свин, от меня нечего ждать хорошего, надеяться на меня, о чем-то просить. (...) Телевизор – единственное, что нас объединяет» [Сенчин 2013, 20, 21].

Герой рассказа *Погружение*, Маркин, в свою очередь, записывает: «Сколько я видел семей, все они напоминают палаты неизлечимых больных. (...) Взаимная любовь, обоюдная... Соединившись, решив шагнуть по жизни рука об руку, парочка на самом деле стремительно идет ко дну. Многие одумываются и поскорей разбегаются. Чтобы спастись. Пока окончательно не захлебнулись, не легли на дно, даже не потревожив ил, не уснули. Не начали растворяться. Но дети... Дети – знак полного тупика, крепкие кандалы, и надо резать по живому, если необходимо освободиться и всплыть» [Сенчин 2013, 91].

В художественном мире Сенчина и любовь, и дети существуют только для того, чтобы тащить человека всё глубже и глубже на дно, а дно это – засасывающее и поглощающее [Теракопьян 2005, online]. Таким образом, семейная жизнь в итоге оказывается бессмысленной и бесперспективной. Семья не спасает от одиночества, а временами даже усугубляет это экзистенциальное одиночество, не спасает от оупляющей рутины повседневности<sup>21</sup>.

Нет в произведениях автора *Зоны затопления* счастливой и «чистой», светлой любви. В этом плане интересным является рассказ *Персен* (2006). Главный герой, офисный работник коммерческой фирмы, Андрей, ежедневно ходит на работу. Каждый день он автоматически делает одно и то же<sup>22</sup>, а в решении всякого рода проблем, как и остальным сослуживцам, помогает ему «Персен» – «уникальное средство – одновременно и успокоительное, и концентрирующее внимание» [Сенчин 2013, 233], средство от уныния

<sup>20</sup> Уместно добавить, что материнство показано Сенчиным «не как исполнение главной женской миссии, а как жизненная катастрофа» – невозможность дальнейшего профессионального развития, карьерного роста [Селеменова 2015, 137-138].

<sup>21</sup> Намечается здесь некий парадокс: герои Сенчина нуждаются во взаимопонимании, сочувствии, но никак не могут «достучаться» друг до друга [Орлова, online].

<sup>22</sup> «Его работа – контролировать поставку канцелярских принадлежностей в три области северо-запада страны. Его считают в этом направлении специалистом, внимательным и ответственным, да и ему самому не в чем себя упрекнуть – работает всегда на совесть. Ни одного серьезного прокола» [Сенчин 2013, 231-232 (*Персен*)].

и усталости, которое Андрей принимает регулярно. В жизни героя внезапно появляется горячее чувство к девушке, и оно показывает молодому человеку ничтожность дела, на которое тратится его жизнь [Пустовая 2009, online], появляется одновременно и истинный смысл существования<sup>23</sup>: «И невозможно стало больше находиться здесь, терпеть, ждать, когда можно будет уйти, увидиться с той, что сделала его живым; сумасшествием показалось сидеть и производить какие-то ничтожные, осточертевшие действия, те же самые, что и вчера, и месяц назад, и год...» [Сенчин 2013, 232 (*Персен*)]. Но всё, к сожалению, оказывается лишь иллюзией. Как правильно замечает литературный критик Валерия Пустовая, «рассказ Сенчина не о романтическом пробуждении, – а романтическом сне любви». Срыв очередного свидания мгновенно возвращает Андрея будням, установившемуся ходу его жизни, не знающему никаких исключений, герой остаётся прежним, одним из полутора тысяч обедающих в офисной столовой людей, остаётся совершенно одиноким<sup>24</sup> [Пустовая 2009, online]. При этом у Андрея вместо недавнего «пыла любви» появляется сильное, непреодолимое желание встретиться с проституткой (назла «любимой» девушке, чтобы отомстить ей?): «(...) узнать ту, которой нужно платить за близость не цветами, не веселостью, не дорогим ужином, а просто деньгами, хотя бы услышать, как она говорит, как по телефону обсуждает условия близости (...). Всё остальное казалось глупым и неинтересным, и даже она – любимая, единственная, – не занимала; точнее, мысли о ней были уже какими-то второстепенными, неострыми, – то ли вчерашними, то ли завтрашними» [Сенчин 2013, 270 (*Персен*)].

Таким образом Сенчин показывает, как постепенно все возможные опоры (своеобразный жизненный стержень), за которые люди должны держаться, обламываются одна за другой: и дружба, и любовь, и брак, и семья [Кучерская 2001, online]. Всё это (все основные жизненные ценности, семейные ценности) в настоящее время как будто осквернено, лишено «святости»<sup>25</sup>. Остаётся духовное и нравственное убожество, остаются

<sup>23</sup> Возникает здесь своего рода ассоциация с гоголевским героем, чиновником Башмачкиным и его «любовью» к новой шинели. Новая шинель становится смыслом жизни героя, она даже облачается неким «ореолом святости», шинель в восприятии Башмачкина – «приятная подруга жизни».

<sup>24</sup> «В шесть тридцать вечера выходят на улицу и не знают, что делать дальше. До завтрашнего утра. Они долго сидят в каком-нибудь кафе недалеко от дома или у себя в квартирке готовят ужин на одного человека и съедают его перед телевизором; многие устало и привычно переругиваются с родителями до тех пор, пока не захотят спать. И потом сон, пустой, как у мертвых, а утром – душ, кофе, торопливый сбор на работу. Очередной автоматический день...» [Сенчин 2013, 228-229 (*Персен*)].

<sup>25</sup> «Брак-сшибка» (тоже «брак-ошибка»), в результате которого создаются случайные семьи, где разводу мешает только «квартирный вопрос»; это часто семейная жизнь исключительно по привычке – с духовно неблизкой супругой, мешающим ребёнком, «телевизионным рабством», где существенным является, конечно, не любовь, а домашний уют – вещные и внешние,

проститутки, пьянство, наркотики как форма «забвения», форма кратковременного мелкого и безнравственного «спасения» от «абсурда жизни», а в конечном итоге остаётся ощущение пустоты<sup>26</sup>.

В заключение можно констатировать, что сенчинские «маленькие люди» живут как-то «не по-человечески», но самое ужасное, что они к этому почти привыкли, и вряд ли найдутся у них силы, чтобы заставить себя стать хотя бы немного лучше [Мурашова 2001, online], чтобы обнаружить цель в своей жизни – а без цели и смысла человек быстро истребит себя. Сенчинские «маленькие люди» изо дня в день живут машинально, без планов и шансов на развитие и успех, без развлечений (они даже отдыхать не умеют) и без особых увлечений. Это слабые, безвольные, чересчур пассивные «обыкновенные» люди, можно сказать, «хронические неудачники», которых просто бесцветная рутина быта разъедает изнутри.

### Библиография

- Belákov Sergej. 2009. *Prizrak titulárnogo sovetnika*. «Novyj mir» № 1. V: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2009/1/be14.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/1/be14.html) [Dostup 27 VII 2017] [Беляков Сергей. 2009. *Призрак титулярного советника*. «Новый мир» № 1. В: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2009/1/be14.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/1/be14.html) [Доступ 27 VII 2017].
- Belákov Sergej. 2011. *Roman Senčín: neokončennij portret v sumerkah*. «Ural» № 10. V: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/10/be11.html> [Dostup 25 VII 2017] [Беляков Сергей. 2011. *Роман Сенчин: неоконченный портрет в сумерках*. «Урал» № 10. В: <http://magazines.russ.ru/ural/2011/10/be11.html> [Доступ 25 VII 2017].
- Bojko Mihail. 2008. *Russkij depressionizm*. «NG Ex Libris» ot 17 aprelá. V: [http://www.ng.ru/ng\\_exlibris/2008-04-17/8\\_depressionism.html](http://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-04-17/8_depressionism.html) [Dostup 24 VII 2017] [Бойко Михаил. 2008. *Русский депрессионизм*. «НГ Ex Libris» ot 17 апреля. В: [http://www.ng.ru/ng\\_exlibris/2008-04-17/8\\_depressionism.html](http://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-04-17/8_depressionism.html) [Доступ 24 VII 2017].
- Cvetova Natal'á. *Ėshatologičeskij motiv v sovremennoj russkoj proze*. V: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/zvetova.htm> [Dostup 27 VII 2017] [Цветова Наталья. *Эсхатологический мотив в современной русской прозе*. В: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/zvetova.htm> [Доступ 27 VII 2017].
- Ermolin Evgenij. 2014. *Est' li proza na Marse?* «Literatura» № 19 (sentâbr'). V: <http://litteratura.org/criticism/496-evgeniy-ermolin-est-li-proza-na-marse.html> [Dostup 25 VII 2017] [Ермолин Евгений. 2014. *Есть ли проза на Марсе?* «Литература» № 19 (сентябрь). В: <http://litteratura.org/criticism/496-evgeniy-ermolin-est-li-proza-na-marse.html> [Доступ 25 VII 2017].

при этом переходящие атрибуты успеха, на самом деле лишь мнимый символ удавшейся жизни [Селеменова 2015, 137, 138].

<sup>26</sup> «Поднял лицо, увидел свое бледное, почти растворенное в стекле отражение. Но главное разглядел – там было лицо немолодого, испитого мужика с морщинками вокруг рта, глубокими глазницами. (...) Крутись-вертись, пытайся всех обмануть, но тридцать восемь впустую прожитых лет не спрячешь. Ну, пусть не все тридцать восемь впустую, но двадцать – точно. Отпечатались они на лицах, ничем эти отпечатки не смоешь, не соскоблишь. И от новых таких же пустых не спасешься. Вот так всё и будет еще очень долго – очень долго, тяжело и пусто» [Сенчин 2011, 297 (*На чёрной лестнице*)].

- Haritonov Evgenij. «*Literatura izučaettëmnye storony žizni, a ne svetlye...*». *Interv'û s Romanom Senčĭnym*. V: <http://lit-ra.info/intervyu/roman-senchin-literatura-izuchaet-tyemnye-storony-zhizni-a-ne-svetlye/> [Dostup 24 VII 2017] [Харитонов Евгений. «*Литература изучает тёмные стороны жизни, а не светлые...*». *Интервью с Романом Сенчиным*. В: <http://lit-ra.info/intervyu/roman-senchin-literatura-izuchaet-tyemnye-storony-zhizni-a-ne-svetlye/> [Доступ 24 VII 2017].
- Kučerskaâ Majâ. 2001. *Pogruženie v pustotu*. «Novyj mir» № 10. V: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2001/10/sench.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/10/sench.html) [Dostup 27 VII 2017] [Кучерская Майя. 2001. *Погружение в пустоту*. «Новый мир» № 10. В: [http://magazines.russ.ru/novyi\\_mi/2001/10/sench.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/10/sench.html) [Доступ 27 VII 2017].
- Lâšova Marina. 2011. «*V konec sveta â ne verû*». *Interv'û s Romanom Senčĭnym*. «Parus» ot 22 sentâbrâ. V: <http://hrono.ru/proekty/parus/sench0911.php> [Dostup 25 VII 2017] [Ляшова Марина. 2011. «*В конец света я не верю*». *Интервью с Романом Сенчиным*. «Парус» ot 22 sentâbrâ. В: <http://hrono.ru/proekty/parus/sench0911.php> [Доступ 25 VII 2017].
- Murašova Elena. 2001. *Meždu buntom i smirenĭem. Strannye geroi Romana Senčina*. «Literaturnâ Rossiâ» № 46. V: <http://old.litrossia.ru/archive/68/criticism/1593.php> [Dostup 27 VII 2017] [Мурашова Елена. 2001. *Между бунтом и смирением. Странные герои Романа Сенчина*. «Литературная Россия» № 46. В: <http://old.litrossia.ru/archive/68/criticism/1593.php> [Доступ 27 VII 2017].
- Neverov Aleksandr. 2001. *Žiznežiža*. «Literaturnâ Rossiâ» № 46. V: <http://old.litrossia.ru/archive/68/criticism/1593.php> [Dostup 27 VII 2017] [Неверов Александр. 2001. *Жизнежижа*. «Литературная Россия» № 46. В: <http://old.litrossia.ru/archive/68/criticism/1593.php> [Доступ 27 VII 2017].
- Orlova Ol'ga. *Čehovskie motivy v tvorčestve R. Senčina*. V: <http://orlova.cih.ru/o16.html> [Dostup 24 VII 2017] [Орлова Ольга. *Чеховские мотивы в творчестве Р. Сенчина*. В: <http://orlova.cih.ru/o16.html> [Доступ 24 VII 2017].
- Pańkowska Ewa. 2015. *Mir umirajušej rossijskoj derevni v tvorčestve «novyh realistov» (na materiale romanov: «San'ká» Zahara Prilepina i «Eltyševy» Romana Senčina)* [*Мир умирающей российской деревни в творчестве «новых реалистов» (на материале романов: «Санька» Захара Прилепина и «Елтышевы» Романа Сенчина)*]. „Studia Wschodniosłowiańskie” t. 15.
- Pisatel' Roman Senčĭn: «Rossiâ – očen' literaturnâ strana»*. V: <https://ru.sputnik-news.ee/culture/20160525/1844505.html> [Dostup 25 VII 2017] [*Писатель Роман Сенчин: «Россия – очень литературная страна»*. В: <https://ru.sputnik-news.ee/culture/20160525/1844505.html> [Доступ 25 VII 2017].
- Plehanova Irina. 2014. *O redukcĭi psihologizma v novejšej proze*. «Vestnik Tomского gosudarstvennogo universiteta» № 2 (28): 109-125 [Плеханова Ирина. 2014. *О редукции психологизма в новейшей прозе*. «Вестник Томского государственного университета» № 2 (28): 109-125].
- Prudnikov Sergej. «*V žizni kuda strashnee, čem v literature*». *Interv'û s Romanom Senčĭnym*. V: <http://www.vppress.ru/stories/Roman-Sechin-V-zhizni-kuda-strashnee-chem-v-literature-23774> [Dostup 24 VII 2017] [Прудников Сергей. «*В жизни куда страшнее, чем в литературе*». *Интервью с Романом Сенчиным*. В: <http://www.vppress.ru/stories/Roman-Sechin-V-zhizni-kuda-strashnee-chem-v-literature-23774> [Доступ 24 VII 2017].
- Pustovaâ Valeriâ. 2009. *Matrica bunta*. «Kontinent» № 140. V: <http://magazines.russ.ru/continent/2009/140/pu23.html> [Dostup 27 VII 2017]. [Пустовая Валерия. 2009. *Матрица бунта*. «Континент» № 140. В: <http://magazines.russ.ru/continent/2009/140/pu23.html> [Доступ 27 VII 2017].

- Sekisov Anton. 2015. *Vozvrašenie k Matëre*. «Rossijskaâ gazeta» № 6615 (44). V: <https://rg.ru/2015/03/04/rasputin.html> [Dostup 25 VII 2017] [Секисов Антон. 2015. *Возвращение к Матëре*. «Российская газета» № 6615 (44). В: <https://rg.ru/2015/03/04/rasputin.html> [Доступ 25 VII 2017].
- Selmeneva Marina. 2015. «*Moskovskij tekst*» v tvorčestve R. Senčina. V: *Puškinskie čteniâ-2015. Hudožestvennye strategii klassičeskoj i novoj literatury: žanr, avtor, tekst: materialy XX meždunar. nauč. konf.* Red. Skvorcov V.N. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A.S. Puškina: 131-139 [Селеменова Марина. 2015. «*Московский текст*» в творчестве Р. Сенчина. В: *Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX междунар. науч. конф.* Ред. Скворцов В.Н. Санкт-Петербург: Издательство Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина: 131-139].
- Senčîn Roman. 2007. *Ničego strašnego*. Moskva: Izdatel'stvo Zebra E [Сенчин Роман. 2007. *Ничего страшного*. Москва: Издательство Зебра Е].
- Senčîn Roman. 2011. *Na čërnoj lestnice*. Moskva: Izdatel'stvo Astrel' [Сенчин Роман. 2011. *На чёрной лестнице*. Москва: Издательство Астрель].
- Senčîn Roman. 2013a. *Moskovskie teni*. Moskva: Izdatel'stvo Ёksmo [Сенчин Роман. 2013a. *Московские тени*. Москва: Издательство Эксмо].
- Senčîn Roman. 2013b. *Ždëm do vos'mi*. «Znamâ» № 9. V: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/9/2s.html> [Dostup 26 VII 2017] [Сенчин Роман. 2013b. *Ждём до восьми*. «Знамя» № 9. В: <http://magazines.russ.ru/znamia/2013/9/2s.html> [Доступ 26 VII 2017].
- Terakopân Leonid. 2005. *Na kraû. Roman Senčîn i ego eroi*. «Družba narodov» № 3. V: <http://magazines.russ.ru/družba/2005/3/tera12-pr.html> [Dostup 25 VII 2017]. [Теракопан Леонид. 2005. *На краю. Роман Сенчин и его герои*. «Дружба народов» № 3. В: <http://magazines.russ.ru/družba/2005/3/tera12-pr.html> [Доступ 25 VII 2017].
- Vasilevič Elena. 2010. *Osobennosti hudožestvennoj manery Romana Senčina («Afinskie noči»)*. «Literaturoznavči studii» випуск 26: 73-84 [Василевич Елена. 2010. *Особенности художественной манеры Романа Сенчина («Афинские ночи»)*. «Литературоведческие студии» выпуск 26: 73-84].

## Summary

### ANALYSIS OF SELECTED LITERARY WORKS OF ROMAN SENCHIN (A SHORT REVIEW OF CRITICAL AND LITERATURE MAGAZINE ARTICLES)

Roman Senchin (born in 1971) is one of the most expressive spokesmen for his generation and one of the most prominent exponents of “new realism” of “the noughties”. The aim of this article is to identify central motifs in selected literary works of this contemporary Russian writer and literary critic, to present his artistic conception of creating a character, and to show distinguishing features and characteristics of Senchin’s “little man”. This paper analyzes Senchin’s three collections of short stories and stories: *Nothing scaring* (*Ничего страшного*, 2007), *Moscow shadows* (*Московские тени*, 2009), *On the black stairs* (*На чёрной лестнице*, 2009).

Kontakt z Autorką:  
ela.pankowska@poczta.onet.pl